

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
АМНЕЗИЯ

Глава первая

Человек на горе

Стоял июль. Все шло, как и должно идти. Земля жила обычной жизнью. Где-то прокатывались землетрясения, оживали вулканы, проносились наводнения, а где-то стояла тишь и благодать.

Западные ветры тащили из Атлантики жару, погружали в нее европейские города и страны. В Иерусалиме палило солнце. Рим поглощал свои порции. Раскаленный воздух приближался к Центральной России. Москва, до того купавшаяся в дождях, погружалась в удушающий зной.

В двухстах километрах южнее Москвы летняя ночь лениво обволокла землю влажной прилипчивой духотой. Развесила на деревьях и кустах паутину сна, швырнула на поля, разбросала по дорогам.

Город похрапывал, ворочаясь с боку на бок.

Дальние деревушки скукожились, приутихли в темных уголках ночи. Пригородные деревни вздрагивали от шума автомобилей, выпячивались домиками, выхваченными светом фар.

Автомобиль разорвал в клочья темноту и на полном ходу свернул с автомагистрали. Боковые стекла у машины приспущены. В салоне двое: водитель и пассажир. В легких рубашках с короткими рукавами. Темные, невеселые, мрачноватые лица. Поток воздуха трепал им волосы.

Лопухий пассажир заскорюзлыми пальцами с обкусанными ногтями прижимал жиденький чубчик к низкому морщинистому лбу. Нервозно возился, часто моргал маленькими глазками, сопел, картавил и таращился сквозь лобовое стекло.

Длинноносый водитель был сосредоточен и малоподвижен. Крючковатые руки на руле. Взгляд цеплялся за полотно дороги, несущееся под колеса машине. Стиснутые тонкие губы иногда слегка раскрывались, выпускали глухие звуки, затем снова сжимались.

Свет фар показал поворот, глубокий кювет и высокие черные деревья по сторонам.

Водитель резко ударил по педали тормоза. Пассажира мешком бросило вперед на черную панель. Он хрюкнул, щелкнул редкими зубами и матюгнулся. Машина остановилась: мотор заглох, фары погасли. Двое присмотрелись к темноте.

Водитель распахнул дверцу, выбрался наружу, прислушался, по-звериному принюхался. Был он плотного сложения, с покатою спиной, большой головой с круглым затылком. Через минуту рядом возник пассажир, излишне тощий и долговязый. Открыли багажник. Взгляды впились в скорченное человеческое тело. Лопухий толкнул его, сглотнул слюну и окончания слов:

— Глянь, Блохин, наш клиент случаем не загнулся?

— Заткнись, Саранчаев! — глухо рыкнул водитель и вяло распорядился: — Вытягивай!

Саранчаев кашлянул в кулак и зажевал губами:

— А может, его того, тюкнуть по темечку на всякий случай?

— Бери, а то я тебя самого по мурлу тюкну! — резко прервал Блохин.

Тело извлекли из багажника, торопливо подтащили к обочине, качнули пару раз и бросили в кювет.

Саранчаев смачно хрюкнул, обтер о штаны руки и с сожалением обронил:

— А все-таки надо было тюкнуть, чтоб концы в воду.

В тот же миг внезапно по нему хлестко прошелся свистящий ветер. Вдруг обрушился ледяной стужей, проникая под легкие одежды. Подкинул в воздух и грохнул о землю. Стынь обожгла Саранчаева, свела ему скулы, вымораживая дыхание.

Блохин едва успел захлопнуть багажник, как его тоже сбilo с ног. Сдуло, как пушинку, с дороги. Закрутило, скрючило, кувыркая по кювету. Неожиданная стужа пронизала до костей.

Непроницаемая тьма окутала все. Небо перевернулось, представ великой бездной. Из ее глубин неся странный звук, выворачивал наизнанку, придавливал к обледеневшей земле. Мороз сковал тела.

Большой рот Саранчаева перекосило. Длинный нос Блохина заострился, как сосулька, толстые губы побелели. Мозг перестал осмысливать происходящее.

Но вдруг завывание ветра умерло. Внезапно оглоушили раскаты грома, и яркая огненная молния надвое расколола небосклон. Ударила в землю рядом с машиной. Бездонная тьма отступила, открыла ночное небо, дорогу, овраг, деревья.

В лица людей пахнуло прежней духотой.

Закоченевшие Блохин и Саранчаев с трудом разогнули промерзшие суставы. Зашевелились, жадно глотая духоту и медленно согреваясь. Затем подхватились с земли и кинулись к машине. Молча Блохин повернул ключ зажигания. Не включал фары, ощущая необъяснимый страх. Щурился, уткнувшись в лобовое стекло, сильно жал на газ. Хотел скорее унести ноги с этого жуткого места.

Но жуткое место не отпускало: машина не двигалась, хотя мотор ревел на последнем издыхании. Ветер свистел за опущенными стеклами.

— Что это? — Зубы Саранчаева в испуге выбили дробь.

— Всего только зимняя выюга, — раздалось у его правого уха. Голос как бы прошелся по ребрам.

Лопухий вздрогнул. Рывком повернулся вправо. Увидел снаружи рядом с дверцей машины темный мужской силуэт. Удивился, что в темноте хорошо различил не улыбочное лицо, сковывающий взгляд, костюм и галстук-бабочку. Оторопь парализовала. Не успел подумать, как губы промямлили:

— Этого не может быть.

— Ты полагаешь, тебе известно, что может быть, а чего не может быть? — Голос придавил к сидению. — Думаешь, знаешь, когда и кого надо тюкнуть по темечку?

Саранчаев мгновенно вспотел. Губы неожиданного собеседника не шевелились, а его голос неотступно ввинчивался в уши и сжимал до судорог мозг. Саранчаев точно сидел на раскаленной сковороде, и задница жарилась, как свиные шкварки. Отяжелевший язык едва повернулся во рту:

— Ты кто, откуда взялся? Никого же не было.

— Полагаешь, что меня здесь нет? — собеседник за дверцей чуть отодвинулся в темноту.

Лопоухий вылупил глаза, не зная, что ответить.

— Впрочем, так оно и есть, — разнеслось снаружи, и тьма поглотила странного прохожего.

Саранчаев лихорадочно взгляделся в ночь, не понимая, куда тот исчез. Кинул взгляд на Блохина, чувствуя, как тело продолжает плавиться на раскаленной сковородке, прохрипел:

— Гони!

Блохин щелкнул зубами и с новой силой надавил на педаль.

Машину как будто подхватило ветром и понесло по дороге.

Ресторатор Петр Пантарчук в это утро неохотно выбрался из постели. Легкости не было, давило предчувствие опасности, хоть откладывая командировку. Сунул голову под холодный душ, но лучше не стало. Руки не попадали в рукава белой рубашки, ноги запутались в штанинах светло-коричневых брюк. Не сразу нашел черную папку с бумагами.

Жена Екатерина проводила до двери. Тонкая, с красивым носиком и зелеными глазами, в коротком халатике. Подставила губы для поцелуя. На ее фоне крупный Петр с рельефным лицом казался грубоватым и неповоротливым.

Он вышел из подъезда. Утреннее солнце ослепило. Прищурился. И раздраженно поморщился. Душа словно сдавлена тяжелыми валунами и никак не может вырваться на волю. Приостановился, прежде чем сесть во внедорожник. Потом тупо примял заднее сидение, прижался затылком к подголовнику.

Машина нырнула за угол в дорожный поток и понеслась как по течению. Пантарчук прикрыл глаза. Водитель с круглыми глазами прибавил скорость.

Выехали за город. Быстро пронеслись три десятка километров. Свернули на узкую примыкающую дорогу. Длинные прохладные тени от придорожных деревьев скользили по кузову автомобиля и падали с багажника на асфальт.

Крутой поворот повел влево. И тут на середине дороги перед авто возник человек. Водитель рванул руль вправо, тормозные колодки вцепились в диски, резина запищала по асфальту. Машину боком протащило вдоль обочины и выкинуло в кювет. Метров десять швыряло по ухабам, пока ствол дерева не принял на себя удар радиатора. Капот горбом собрался над мотором, зашипел и потек антифриз.

Пантарчука подбросило, ударило головой о потолок. На мгновение он отключился, обмяк. Затем горячее состояние подхватило, толкнуло к двери, пальцы нащупали ручку. И Петр тяжело вывалился в траву.

Следом из своих дверей на две стороны выкарабкались водитель и охранник с короткой стрижкой и толстыми щеками. Круглые глаза водителя шарили по дороге в поисках человека, но не находили. Того будто корова языком слизнула. Кипя от злости, плюясь и рыча, водитель двинулся к асфальту. Человек распластался лицом вниз в высокой траве, метрах в трех от полотна дороги. У водителя екнуло в груди. Нагнулся:

— Эй, ты живой?

Светлая, с коротким рукавом рубашка, светлые брюки и светлые туфли пятнились сочной зеленью травы. Крови не было. Раздалось бормотание.

Водитель толкнул его:

— Пьяный, что ли? С утра пораньше надрался! Вот гад! Чуть на тот свет не отправил всех. Натворил дел. На кругленькие бабки повеселился сегодня. За машину платить придется, чучело. Подымайся!

Человек попытался привстать, не получилось. Водитель сплюнул:

— Вот пьянь, надрался как свинья. Откуда тебя принесло, идиота?

Отметил про себя: одежда на незнакомце недешевая, сам чисто выбрит, и руки не работяги. На вид лет тридцать с небольшим, худощав, хорошо сложен. Помог ему подняться, направил к дороге.

Пантарчук в это время с охранником выбрался из кювета. На лице ссадина. На брюках колючки от лопухов. На обочине широко расставил ноги, наблюдая за незнакомцем.

— Вот, Петр Петрович, едва стоит, субчик, — брезгливо пояснил водитель, — наклюкался по рани, или с глубокого опохмела! Козел. Хоть и приличный с виду, но пьянь, видать, еще та, — помялся, побряхтел и неуверенно заметил. — А водкой вроде не разит, может, нанюхался какой-нибудь дряни или наширялся. — Проверил локтевой сгиб, повел рыжеватой головой. — Чисто.

У незнакомца были тонкие черты лица, прямой нос, серые глаза. Прическа с пробором на левой стороне. Он тыркался по сторонам, не понимая, что происходит.

Петр спросил у него имя. Человек оторопело забегал глазами, затоптался на месте.

— Чего топчешься, как конь в стойле? — Водитель дернул человека за рукав. — Заклинило, что ли? Соображай быстрее, хорек придорожный! Нечего идиота корчить.

Брови незнакомца сошлись у переносицы, взгляд напряженно остановился на одной точке, зубы скрипнули. Он растерялся:

— Не знаю. Не помню.

Водитель дернулся от возмущения:

— Не ломай Ваньку, фрукт, а то врежу по шее, чтоб вспомнил!

Незнакомец потер пальцами сморщенный лоб, пожал плечами и нерешительно сделал следующий выдох:

— Магдалина.

Обескуражил всех. Недоумение пробежало по лицам.

Водитель отступил, охранник насмешливо крикнул за спиной Пантарчука. Петр насунился, разговор с незнакомцем не получался. Похоже, крутит динамо парень, чтобы не отвечать за аварию.

Тот между тем сдавил руками затылок и замычал, как от головной боли. Пантарчук отвернулся, достал телефон и позво-

нил в свой офис. Потом — в ГИБДД. Незнакомец больше не интересовал его. Солнце пригревало, тени от деревьев укорачивались и медленно начинали сползать с асфальта, краями цепляясь за мелкие трещины. Петр хмуро прохаживался по кромке асфальта. Мысль о командировке пришлось оставить, хотя из офиса уже ехала другая машина.

Скоро подкатили гаишники. Водитель Пантарчука, жестикулируя руками, рассказал о происшествии. Осмотрели дорогу и автомобиль, подошли к виновнику аварии. Тот сиротливо маячил на обочине, неуклюже топтался, под подошвами обуви тихо шуршал свеженасыпанный щебень. Водитель ткнул пальцем:

— Вот потолкуйте с этим мозгокрутом. Сперва чуть под колеса не сунулся, а теперь кино крутит, туман наводит: ничего не помнит, ничего не знает. Гад. Ну хотя бы башкой саданулся, а то ведь гладенький, как баранка.

Старший по званию, с выпирающим брюшком, попросил у него паспорт. Человек безропотно закивал и вывернул карманы. Посмотрел виновато, бесхитростно нелепо улыбнулся:

— Нету. Почему-то нету. Не знаю.

— Во! А я что говорил? — воскликнул водитель. — Незнайка. Дурака включает, козел.

Полчаса полицейские бились, пытаясь выяснить, кто он, откуда и как зовут, но ни на один вопрос так и не получили ответа. Лишь дважды он бессвязно повторил имя Магдалина. В конце концов старший по званию повернулся к водителю:

— Здесь сам черт не разберет. Надо показать его врачам, может, память отшибло. Хотя по внешнему виду не скажешь, что его сбила машина. Но я не доктор, чтобы определять. Могу вызвать «Скорую», или сами подбросьте его до больницы. Ну, что скажешь?

Водитель сплюнул, ругнулся и вопросительно глянул на Петра. Спросил. Пантарчук стоял у машины, подъехавшей с фирмы, согласно кивнул.

— Доставим, черт с ним. Пиши бумаги, командир, — сказал водитель полицейскому. — Он теперь на вес золота, пока за ремонт не заплатит.

Трава и листья деревьев сверкали под ярким солнцем, тени сжались, прячась под кронами.

В приемном покое — белые стены, письменный стол, три стула, клеенчатая промятая кушетка, серые шторы. На столешнице раскрытый журнал и шариковая авторучка.

Петру пришлось некоторое время рассматривать медицинский плакат на стене и терпеливо ждать врача. Незнакомец в это время сосредоточенно сидел на стуле, плотно прижимал к коленям сжатые кулаки. У двери переминался охранник Пантарчука.

Врач, долговязый, с длинными руками и залысиной, появился вместе с медсестрой. Быстро осмотрел пациента, задал несколько вопросов. Распорядился оформить поступившего больного и удалился. Медсестра, маленькая, кругленькая, с коричневыми глазами, в белоснежном халате, подтянула под себя стул и тягучим голосом попросила Петра уточнить, под каким именем записать пациента.

Пантарчук развел руками, ему было все равно. На ум пришло слово, какое на дороге произнес незнакомец, и Петр повторил:

— Магдалина.

Медсестра, упираясь локтями в столешницу, схватила пухлыми пальцами авторучку. Но удивленно раскрыла рот, захлопала наклеенными ресницами:

— Магдалина?

Пантарчук снова развел руками, что есть, то есть. Медсестра вздохнула, шевельнула полными губами и записала в графе фамилия: Магдалина. Повторила вслух, хмыкнула, затем подняла глаза на Петра:

— А скажите вашу фамилию. И номер телефона. Вдруг позвонить понадобится.

Петр недовольно нахмурился и назвал.

А когда направился из больницы в свой офис, то думал уже о других проблемах. Незнакомец провалился в сознании в темный угол.

Вечером того же дня Петр рассказывал о происшествии жене Екатерине. Беспорядочно двигался по гостиной, возмущался, что нарушились его планы. Целый день — коту под хвост, плюс серьезный ремонт машины.

Екатерина в красном топе и темной юбке сидела за пианино. Подушечками пальцев слегка касалась клавишей, вызывая тихую мелодию.

Петр не верил в потерю памяти незнакомцем, больше склонялся к тому, что тот обыкновенный пройдоха. Определенно сбежит из больницы, ищи потом ветра в поле. Да и черт с ним, только жалко убитого времени. Впрочем, если глубже копнуть, то, возможно, этот Магдалина скрывает свое настоящее имя по каким-то более веским причинам. Но это уже не его дело копаться в чужом грязном белье.

Екатерина отодвинулась от инструмента и напомнила мужу о его приятеле Косте Грушине. Тот работает оперативником, нюх собачий, имеет хороший опыт в раскрутке головоломок.

Петр кивнул и потянулся за сотовым.

Грушинин выслушал, замурчал на другом конце, коротко проанализировал:

— Если все было так, как ты рассказываешь: наезда нет, человек от машины не пострадал, стало быть, криминала не видно. А раз нет криминала, значит, и вопросов у полиции нет.

На что Пантарчук проворчал:

— Криминалист чертов. Я не о криминале, я просто хочу услышать твое мнение на этот счет.

— А какое тут может быть мнение? — отозвался Грушинин. — Никаких фактов нет, что твой знакомый скрывает фамилию по преступным мотивам. Подозревать человека в этом безосновательно и глупо. Здесь явный медицинский случай. Подожди заключения врачей. Если у парня действительно заклинило память, то даже медики могут оказаться бессильными. Установить причину не так просто. А попасть на дорогу или в лес можно тысячью способов, без меня понимаешь. Я однажды занимался случаем, когда у пострадавшего тоже отшибло память,

но там человека отметелили до отбивной, едва выжил бедолага. Если с парнем нечто подобное, тогда займется полиция.

— Да ну тебя, — пыхнул Петр. — Я тебе шито, а ты мне бри-то. Мозги только на криминал заточены. Говорю же, пораскинь ими в других направлениях. — И отключил телефон, пояснив Екатерине: — Ничего интересного в этом Магдалине. Не в то время не на той дороге оказался. Только мне проблем навесил. Черт с ним. Выброси из головы. Пойдем лучше ужинать.

На следующее утро Пантарчук на другой машине ехал на работу, забыв о происшествии. Мозг целиком погрузился в планы на день. Вопросов было много и не сразу удавалось разложить их по полочкам. На полпути дорогу подрезало шальное такси. Водитель Петра резко затормозил и выплеснул на голову таксистки ушат брани:

— Идиотка! С башкой не дружишь? Куда прешь, придурковатая? Подвесить бы за одно место того, кто выдал тебе права!

А Пантарчук не обратил внимания на дорогу.

Глава вторая **Архигемон Пронгопул**

За рулем такси была молодая девушка.

Пассажира, расплывшись блином, размяк на переднем сиденье рядом с водителем. Вяло смотрел сквозь лобовое стекло. Не торопил, наоборот, изредка бурчал, чтобы не гнала, потому что на тот свет он билета не покупал.

Но девушка сломя голову продолжала нестись прямо к черту в пекло. Такси вылетело на середину моста. И тут резко сами собой сработали тормоза. Из-под шин выбился дым. Водителя прижало к рулю, пассажира бросило на переднюю панель. Мотор крикнул и заглох. Машина стала. Девушка кинула руку к замку зажигания, нетерпеливо зашевелила ключом, но машина не ожила.

— Что за чертовщина, ни с того ни с сего. Странно, — буркнула таксистка.

Пассажир ошалело разлепил губы:

— Странно, что с тобой раньше ничего странного не стряслось! — прожевал испуганно. — На таких скоростях запросто без башки остаться.

Девушка снова дернула ключ зажигания, стартер издал надрывное кряхтение, мотор не завелся. Пассажир досадливо скривил физиономию, насупился, заелозил на месте, суетно глянул на часы:

— Черт меня дернул сесть в твою тачку! — распахнул дверцу и выскользнул из салона, замахал руками проходящему транспорту.

— Эй, ты куда?! А кто платить будет? — высунулась из машины девушка. — По счетчику! — И разочарованно вздохнула, потому что пассажир проворно юркнул в другой автомобиль.

— Не вешай нос, Сафо, — вдруг раздалось у нее за спиной. — Я заплачу за все!

Девушка быстро обернулась и оторопела: на заднем сиденье невесть откуда появился новый пассажир. Черные волосы, дорогой сине-черный костюм, синяя рубашка, кроваво-вишневый галстук-бабочка и уголок носового платка из нагрудного кармана. Таксистка проглотила язык. Что за чертовщина, как этот тип мог здесь очутиться?

— Очень просто, — отозвался тот, точно услышал ее мысли. Его размытый взгляд давил и проникал ей под самые ребра. — Ведь такси свободно, не правда ли, Сафо?

Девушка машинально кивнула и ощутила беспокойство. Никак не могла оторвать глаз от странного, притягивающего взгляда. Между лопатками по позвоночнику струйкой потек липкий холодящий пот. А из горла вырвалось:

— Ищите, дядя, другое такси! Эту тачку мотор не тянет. И я не Сафо, меня зовут Софья.

— Я знаю, Сафо, — пассажир даже не пошевелился.

По телу девушки пробежала волна тревожного удивления:

— Вы меня знаете? Откуда?

— Это было не так давно, — проговорил он, как бы предлагая вспомнить, — двадцать пять веков тому. На острове Лесбос из моих рук, Сафо, ты принимала дар от Властелина. А в пятнадцатый год Тиверия кесаря я дал тебе силы, чтобы ты помогла тетрарху Ироду исполнить суд над Крестителем. Тогда тебя звали Иродиадой.

— Вы чего несете? — вскричала девушка, чувствуя усиливающееся смятение. — У вас все дома, дядя?

— Дома? Ах, дома. Нет. Все работают. Дома сидеть некогда. Работы невпоровот. Везде надо успеть, — выражение на лице пассажира оставалось неизменно спокойным. — А сейчас здесь у меня новое неотложное дело.

— У вас случайно нет жара? — с натугой выдавила она, холодея скулами. Раскрыла рот, собираясь вытурить незваного клиента, но губы окаменели.

— Не горячись, — сурово осадил пассажир в ответ на ее мысли.

Девушка испугалась. Схватила за лицо. Нащупала губы. И медленно с трудом шевельнула ими:

— Кто вы? — спросила шепотом.

— Архидем.

Ей насилу удалось оторвать взгляд от его глаз:

— Это имя или фамилия?

— Это — больше! — ответил тот. — Это высокий пост, данный мне Властелином Игалусом.

Софья вцепилась в руль, страх не отпускал. Вдруг уловила звук заработавшего мотора, удивилась. И в этот миг через плечо ей на колени упала пачка с деньгами в крупных купюрах.

— Оплата вперед, за всю поездку, — объявил архидем.

Денег было много, на эти деньги можно было укатить к черту на кулички. У девушки на лбу выступила испарина. Что же это за поездка за такие деньги, черт подери? Спросить не успела, ответ архидема опередил ее вопрос, ошелолив Софью. Глуховатый голос изрек:

— За поездку в преисподнюю, Сафо.

Она икнула и подавилась слюной, по спине до самого копчика пробежала ледяная дрожь. Зеркало заднего вида выхватило холодное лицо архидема. Через силу девушка выдавила:

— Я в преисподнюю не собираюсь, мне нравится жить на полную катушку.

— Этого никому не миновать, Сафо. Ты не знаешь заранее, чего захочешь через минуту. — Слова архидема потащили за собой мысли девушки.

Она почувствовала на плече руку архидема. Скосила глаза. Руки не было. Растерялась, потому что определенно ощущала на правом плече тяжесть. Движением плеча попыталась сбросить ее, но не получилось. Сталось жутко. Не могла сообразить, в какую историю вляпалась и кто он, этот архидем.

Его голос будто обдал сыростью подземелья:

— Первый архидемон Прондопул, Сафо, посланец Властелина Игалуса.

Софья затравленно обернулась. Никакого Властелина Игалуса она не знала и знать не хотела. Но ощутила, как с плеча убралась тяжесть, и увидала руки Прондопула у него на коленях. Пальцы пошевелились. Девушка уловила их прикосновение к своей щеке. Не поверила. Она точно знала, что руки Прондопула продолжали лежать на коленях. А щека чувствовала касание пальцев. Жар пробежал по лицу и превратился в лед. Софья сжалась, ей вдруг мучительно захотелось увидеть подружку Анастасию.

Прондопул показал в боковое стекло:

— Анаста близко.

Софья вскинула брови, оцепенела. Анастасия шла по мосту наперерез потоку машин. Размахивала рукой, смеялась, не обращала внимания на звуки сигналов, шипение шин, злые лица водителей. Приблизилась к автомобилю Софьи, распахнула дверцу и плюхнулась рядом. Смешливо дернула плечом. У Софьи от изумления вспотели ладони, мозг запылал огнем:

— Чертовщина какая-то, — выдохнула, покрываясь испариной. — Невероятно. — Глянула на Прондопула. — Этот номер у вас не пройдет! Вы элементарно срисовали Настю на мосту. Но откуда вы ее знаете?

— Было бы странно, Сафо, если бы я не знал ее! — сухо отозвался Прондопул.

Софья ревниво заегозила, слова архидема показались ей обыкновенным притворством, и она вопросительно зыркнула на Анастасию:

— Ты и с ним спишь? Только не говори, что не знаешь его!

Голос Прондопула придавил Софью к сидению:

— Не глупи, Сафо!

— Я вам не Сафо! — воскликнула та.

— Ты многое забыла, — тоном учителя проговорил архидем. — Твоя память не идеальна. Но прошлое не отпустило, оно в тебе. Напомню. Остров Лесбос, город Эрос. Ты приняла дар Властелина Игалуса и стала совершенством в искусстве порока. А теперь, я наблюдаю, ты мечешься между Властелином и Творцом. Глупо, Сафо, думать, что Творец непорочен. Ибо порочны все, кого создал он по образу и подобию своему. Вспомни, ведь Йешуа зачат нетрадиционным способом. Это ли не порок? — Прондопул чуть изменился в лице, и девушке показалось, что он усмехнулся. — Как видишь, нет ничего прекраснее порока, Сафо. Взгляни вглубь столетий, там твое будущее. Прошлое никогда не отпускает, оно всегда в будущем, а будущее всегда в прошлом, — голос Прондопула бил в ушные перепонки, застревал в полушариях мозга, подчинял сознание. Анастасия рядом замерла в оцепенении. Прондопул посмотрел на ее затылок. — Ей также есть что вспомнить. В прошлом будущие познания, а в настоящем прошлые ошибки.

Голова Софьи закружилась, все обволокло туманом.

А когда туман разошелся, она уже ступала босыми ногами по прибрежным, отшлифованным водой камням острова Лесбос. Теплая волна ластилась. Отражение в воде жило.

Она протянула к нему руку: здравствуй, Софья. Но стоп. Почему Софья? Какое-то варварское имя. Не положишь на стих. Ведь она не знает никакой Софьи. Сафо, она — Сафо.

Сафо была голой. Она отвергала одежды в своем «Доме муз». Это была свобода. Ничто не должно стеснять движений и мешать любоваться женской красотой. Нет ничего выше женской красоты. К сожалению, красота недолговечна, потому надо поедать ее непрерывно, пока она есть.

Солнце жарило. Сафо любила солнечный жар. Солнечные рифмы будоражили мозг, бросали к ее ногам весь мир. Ее стихи заучивали и разносили по свету. Великолепная Сафо, изумительная Сафо, превосходная Сафо, неповторимая Сафо, неподражаемая Сафо. Слава кружила над нею. Со всего света в ее «Дом муз» стремились юные гетеры. Она была богиней для них. Для тех, чьи голоса сейчас сыпались за спиной.

Один голос выделялся особенно, это был голос Анасты. Выпорхнув из-под оливкового дерева, оставив воркотню обнаженных гетер, та подбежала вплотную. Притиснулась грудью к плечу Сафо:

— Люди судачат, боги Греции против любви между женщинами.

Сафо сморщила лицо:

— Покажи мне того, кто сам разговаривал с богами.

Анаста поежилась:

— Оракулы. Боги избрали их.

— Это боги сказали тебе?

— Н-нет, — сбивчиво отозвалась Анаста и чуть отстранилась от Сафо.

— Оракулы врут. Никто их не избирал. Они сами назначили себя посредниками между людьми и богами. Они самозванцы.

— Но люди верят им.

— Это им наказание от богов, потому что надо верить богам, а не оракулам.

— Я не понимаю.

— Тебе и не нужно понимать. У тебя от богов другой дар.

Щеки Анасты полыхнули от удовольствия, она схватила руку Сафо, но спросила осторожно:

— А ты точно знаешь, Сафо, что это от богов?

— Ты такая наивная. Ну, конечно, Анаста. Кто ж еще может заботиться о нас с тобой?

Анаста откинула волосы, приподнимая вздохом небольшую грудь, и вдруг застыла от неожиданности.

Перед ними возникла черноволосая, с понизывающим размытым взглядом фигура архидема Прондопула в легкой накидке. Крепкая мускулистая грудь и ноги густо усыпаны черными волосами. Еще секунду назад на этом месте никого не было.

Сафо вздрогнула, отступила и замерла.

Прондопул спокойно, но уверенно проговорил:

— Ты заблуждаешься, Сафо. Тебя защищает Игалус, а боги мстят за дар, принятый от Властелина. Как мелкие пакостники, они убили твоего мужа и дочь. Ты избранница Игалуса. Но можешь отказаться от дара, тогда станешь обыкновенной.

— Ни за что, — растерянно пробормотала Сафо, ее сковала неспособность противиться этому голосу и взгляду.

— Я тоже не хочу! — подхватила Анаста, зубы ее застучали.

— Искусство порока превосходно. Наслаждайтесь. — И архидем пропал, как будто его не было.

Тут же обеих охватила страсть, вымыла из мозгов иные мысли. Губы потянулись к губам. Тень оливкового дерева накрыла.

Гетеры последовали примеру, разбросавшись парами на подстилках.

Но длилось все недолго. Глубокое небо над Лесбосом вдруг надвое разорвала кровавая молния. Разряд ударил в дерево, под которым сплелись Сафо и Анаста. Дерево вспыхнуло ярким пламенем.

Гетеры, перепуганные, с криками расползлись в разные стороны.

Сафо подхватила и потянула за собой Анасту, однако та была неподвижной. Сафо пригляделась к ее безмятежному

красивому лицу: висок, опаленный огнем, пробит и кровоточит. Сафо вскрикнула и заскулила, вскидывая руки:

— Они опять убивают тех, кого я люблю!

Гетеры насильно оттащили ее от тела Анасты.

Сафо не сразу пришла в себя. Опомнившись, вошла в воду, присела. Вода накрыла с головой. Сафо почувствовала страх, ей стало не по себе. Все закачалось и перевернулось вверх ногами. В ушах прозвучал знакомый голос Прондопула:

— Они мстительны, Сафо, забудь о них.

— Как же я могу забыть? — проплыла мысль. — Они дали мне жизнь.

— У тебя будет много жизней, Сафо, и в одной из них тебе придется сделать окончательный выбор.

— Пусть это наступит нескоро, — подумала она.

— У каждого свое представление о времени, — удаляясь, прошелестел голос Прондопула и постепенно потух, как будто потонул в воде.

А еще через миг она распахнула веки и обнаружила, что сидит в салоне автомобиля, крепко двумя руками держится за руль. Рядом расслабилась Анаста, как будто дремала. Сафо дернулась: ведь Анаста погибла. Стоп. Это же Анастасия. Но как похожа на Анасту. И она теперь не Сафо. Дурацкое имя. Древность какая-то. Она — Софья. Она выбралась из глубины веков, будто стряхнула с ног прах. Анастасия тоже завозилась, захлопала ресницами.

Софья вскинулась, сосредоточенно напрягла мозг. В зеркале заднего вида — архидем Прондопул. Опять он, подумала она, и тогда, и сейчас. Лучше б его не было вовсе.

Но за спиной раздался вкрадчивый голос:

— Разве можно было отказаться от славы и великолепия? Было бы глупо, очень глупо. Ты не отказалась, Сафо, и была права совершенно. С тех пор прошло много лет, однако прежние мысли источили тебя, как червь яблоко. Ты хочешь остаться изъеденным яблоком или быть фейерверком во время праздника?

Его слова возбуждали Софью, от них кружилась голова, между тем она сопротивлялась, выталкивая из себя:

— Не может быть вся жизнь праздником!

— Может.

— Это надоеет.

— Не слушай тех, кто не испытал подобного.

— Подобного никто не испытал.

— Неправда. Ты не знаешь этого.

— Мне страшно.

— Это хорошо. Повернись к Игалусу и я помогу тебе, — голос Прондопула обволакивал девушку.

А в горло ей как будто вцепились когти ворона, и клюв рвал глаза из глазниц. Не было сил терпеть, она закричала:

— Боже, я не хочу его слушать! — Сжала веки и втянула воздух, а когда вновь открыла глаза — Прондопул сидел на прежнем месте.

— Ты не нужна Богу, — сказал он. — Попроси Игалуса.

Боль внезапно убралась. Софья отдышалась. Внутри появилась червоточина: желание удостовериться. Вцепилась в руль, стрельнула глазами через лобовое стекло, выпалила:

— Тогда полетели!

Фраза еще висела в воздухе, а автомобиль уже оторвало от дороги и подняло над мостом. Внизу на мосту — потоки машин, вправо и влево река. По берегам плотные постройки, вписанные в рельеф, асфальт дорог, редкие деревья, автомобили и пешеходы. Софья вытаращила глаза, невероятно, истерично захлопала в ладоши, возбуждаясь. Анастасия взбудоражено запищала.

Автомашины на мосту стали останавливаться, из них высовывались и выпрыгивали люди, глазели вверх, показывали пальцами.

Софья крутанула руль, и автомобиль развернуло в воздухе на девяносто градусов. Ударила ногой по педали газа, автомобиль сорвался с места и, пролетев над мостом, устремился вниз. Софья испугалась, надавила на тормоз, но машина врезалась в воду и стала тонуть.

— Почему? — с диким ужасом закричала девушка. — Я не просила падать в воду! — Через все щели салон наполнялся водой. — Я не хочу утонуть! — Она кулаками била в дверцу, крутилась на сиденье, намеревалась рукой вцепиться в пиджак Прондопула. Но пальцы не могли ухватить ткань пиджака, наткнулись на твердь, скользили, как по металлу.

Жутко завизжала Анастасия.

И только голос Прондопула был мертвенно-спокойным, заглушившим вопли:

— Ты перед выбором, Сафо.

Вода в салоне не была теплой, как на острове Лесбос. Чувство близкого конца судорожно сжимало сердце. Мозг Софьи расплавился от метаний, и она, захлебываясь, отчаянно взмолилась:

— Боже, спаси, помоги!

Сзади, как будто плетью, хлестнул холодный голос:

— Это жалкий выбор!

Софья с ужасом оглянулась, но Прондопула уже не было, а во рту — вода, и глаза Анастасии вылезали из орбит.

В это время у перил моста скучились любопытные, беспомощно вопили бесполезные слова. На их глазах автомобиль ушел под воду, выбрасывая наружу пузыри воздуха.

Архидем стоял поодаль и тоже смотрел вниз. Из остановившейся за спиной Прондопула машины выметнулся водитель, вцепился в перила, вопросительно раскрывая рот и выпучивая глаза. Прондопул равнодушно пожал плечами:

— Нельзя изменять прошлому. Изменяя прошлому, губишь будущее. Но это ее выбор, а я умываю руки, — и двинулся вдоль перил.

Человек ничего не понял.

Прондопул шел быстро и уверенно, пока вдруг за спиной не раздались радостные голоса толпы. Покосился вниз, над водой показалась голова Софьи, девушка плыла к берегу. Прондопул приостановился:

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru